

Финалист конкурса Детской и Юношеской
Книги ЛитРес

ЕЛЕНА ГУСАРЕВА

КЛЯКСА

Проза
для
подростков

12+

Елена Гусарева

Клякса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30484406

SelfPub; 2020

Аннотация

С самого детства мы пытаемся найти свое место под солнцем – утвердиться в компании друзей, завоевать признание или чью-то любовь, но каждый действует по-своему. Эта история о девчонках с твоего двора, подругах. Леся старается всем угодить, но в поиске всеобщего признания забывает о себе. Ира хочет главенствовать, не понимая, что превращается в тирана. Наташа живет прошлым. А Симкина выбирает путь аутсайдера.

Содержание

1	4
2	8
3	15
4	20
5	24
6	26
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

1

Леся торопилась со всех ног сообщить печальную, точнее радостную новость. Она бежала от самого перекрёстка, запыхалась, запнулась и поцарапала коленку, но плакать было некогда.

Наконец она оказалась во дворе спальных пятиэтажек, но там из своих никого не нашла.

«Да куда все подевались?» – Леся пробежала к дальнему торцу дома. И там никого, только компания мелюзги играла в резиночку.

– Эй, не видели Иру или Наташку? – обратилась к ним Леся.

– А тебе зачем? – спросила рыжая соседка Света.

«Вот шмакодявка!» – выругалась про себя Леся, но в ответ только хитро улыбнулась:

– Скажу, если видела.

– Они за мороженым в ларёк пошли, – ответила пухлая Рита, которая чаще держала резиночку, чем прыгала через неё. – Так тебе зачем?

– Надо, – бросила Леся и помчалась к ларьку за двор.

Наконец она их увидела. Компания возвращалась с мороженым – Наташка, Ира и Симкина.

– Девчонки, – закричала Леся издалека, – нашла кляксу! – Она остановилась и, шумно переводя дух, упёрла ладони в

колени. Девчонки, забыв про мороженое, быстро подошли и окружили Лесю.

– Чё, правда? – спросила Наташа.

– Ага, там, на дороге, – Леся разогнулась и закивала. – Лежит бедняга.

– А чё орёшь тогда? – угрюмо спросила долговязая Ира. – Ты ещё мегафон возьми.

– Блин! – Леся зажала рот ладонями.

– Иди теперь, сторожи! – мотнула головой Ира.

– Пусть Симкина идёт. Я лучше домой сгоняю, коробку принесу.

– А чё сразу я? – возмутилась конопатая Симкина.

– А кто? – ответили девчонки разом.

– Я, может, тоже принесу чего-нибудь, – вяло возразила Симкина.

– Чего-нибудь нам не надо, – твёрдо заявила Ира. – Иди, а то как в прошлый раз придут девки с девятиэтажки и заберут.

– Ладно, – Симкина отделилась от компании и побрела к перекрёстку.

– Давай быстрее! – бросила вдогонку Ира.

Симкина побежала вперевалку.

– Ну чё, с тебя коробка, – распорядилась Ира. – Я пошла за лентами, а ты, Наташка, цветов набери. В школьном дворе у калитки красивые «собачки» растут.

– Ага, – согласилась Наташа. – Видела.

– Ну всё, погнажи.

Девчонки разбежались в разные стороны. Вдруг Леся остановилась:

– А совок? – крикнула она.

Ира обернулась и потрясла кулаком. Леся опять зажала рот. Ира ткнула себя в грудь пальцем. Леся кивнула и припустила домой.

Коробка – самая подходящая, из-под маминых новых туфель, была заготовлена заранее. Леся её сразу выпросила. Мама долго не соглашалась, но потом уступила за мытьё полов и поход в гастроном за продуктами.

Леся ворвалась домой – и сразу к себе в комнату. Нырнула под кровать, а коробки как не бывало.

– Мам! – закричала Леся. – А где моя коробка?

– Какая? – мать вышла из ванной с ворохом постиранного белья в тазу и направилась на балкон.

– Ну та!

– Откуда мне знать, – мать зацепила балконную дверь ногой и прикрыла её за собой.

– Ну мам! – Леся пошла за матерью.

– Куда ты лезешь! – зашипела та. – Дверь закрой, мухи налетят.

– Мам! – чуть не плача простонала Леся и постучалась в балконную дверь.

– Я в неё лук ссыпала, – раздался голос матери с балкона. – Всё равно без дела валяется.

Леся уже не слушала. Она ворвалась на кухню, открыла кладовку, нашла коробку. Лук пришлось пересыпать в полиэтиленовый пакет. Леся кинулась к себе в комнату. Разноцветные стёклышки и камушки лежали, где и положено, в жестяной банке на полке. Не успела мать развесить бельё, Леся уже неслась по двору с коробкой подмышкой. Ира ждала на качелях.

– Ну чё так долго? – спросила она для проформы.

– Да мама коробку спрятала.

– А... Ну ладно. Вон Наташка уже идёт с цветами.

– Совок взяла?

Ира достала из кармана и продемонстрировала зелёный совок.

Все трое отправились на перекрёсток к хлебному.

2

Симкина сидела на бордюре тротуара и смотрела на кляксу. Девчонки нарочно придумали кодовое название – любителей устроить похороны было предостаточно.

Голубь лежал на горячем асфальте с растопыренными, будто в полёте, крыльями. Он был мёртв, ещё как мёртв. Из его хрупкого тельца сочилась красная каша. Лапы вывернуты.

Симкиной не нравилась эта странная игра, было в ней что-то неправильное, ненормальное. Но возразить Ире она не смела. Вот уже три месяца она у подруги в долгу. А всё из-за той злополучной тетради, случайно забытой на столе. И надо было Ире припылить в гости, да ещё самовольно заглянуть в чужие записи.

Симкина и сама не знала, зачем написала все эти гадости о своих подругах. Не такие уж они и плохие. Видно, день не задался, родители ссорились... Хотя Ира порой и впрямь неприятная, любит командовать, а в главари её никто не выбирал. Одним словом – «задавака». Наташа тихая и себе на уме, «с закидонами». А Леся просто глупая, всё время заглядывает в рот Ире, что та скажет. «Шестёрка» – обидное слово. Конечно, Симкина погорячилась. И почему только не спрятала злополучную тетрадь в стол, не убрала на книжную полку, не сожгла отвратительную запись в пепельнице отца,

не смысла в унитаэ обрывки?.. Чего бы только она ни сделала, знай наперёд.

Ира Симкину не выдавала, хотя стала ещё более властной. Чуть что не по ней, прищурится, закивает и приговаривает: «Ладно, ладно, Симкина...» А что ладно? Известно. Расскажет, если та поперёк что сделает.

Симкина увидела компанию девчонок и тяжело вздохнула.

Может, притвориться больной? Живот, температура...

Ира подошла и осмотрела голубя.

– Хорошая клякса, – сказала она, доставая совок. – Лесь, давай сюда коробку.

Лесь сняла крышку и подставила коробку Ире. Та достала из кармана красную материю и постелила её на дно.

– А ну, дай сюда крышку, – скомандовала она.

Лесь подала. Ира подцепила совком голубя, придерживая его голову крышкой, и уложила в коробку. Симкина нервно сглотнула, подавляя рефлексy.

– Закрывай.

Лесь послушно прикрыла коробку.

– А украшать будем? – тихо спросила Наташа.

– Я набрала цветных камушек и стёклышек, – просияла Лесь.

– Это для памятника, – тут же возразила Ира.

– Тогда можно положить к нему в коробку конфет или монеток.

– Конфеты мы и сами съедим, устроим поминки, – опять возразила Ира. – А деньги я бы попридержала.

– Просто у меня сдача от мороженого осталась, – задумчиво проговорила Наташа и подбросила на ладони пару жёлтых монет. – Они, когда в земле лежат, становятся фиолетовыми. Я в прошлом году секретик сделала, а потом нашла и...

– Давай сюда, – Ира протянула руку за деньгами. – Пригодятся.

Наташа пожала плечами и отдала монетки.

– Всё, пойдёмте, только тихо, не привлекаем внимания, – сказала шёпотом Леся.

– Это ты сейчас кому? – усмехнулась Ира. – Сама рот не разевай.

– Да я и так...

Похороны начались.

Девчонки построились в процессию: Ира с коробкой в руках, рядом Леся, следом Наташа и замыкающей Симкина. Опустив глаза, они чинно вышагивали в направлении своего двора, за которым раскинулся неблагоустроенный парк. Там и находилось голубиное кладбище.

Во дворе компания с коробкой, не сговариваясь, свернула на детскую площадку, пересекла её и, не задерживаясь, продолжила свой скорбный путь.

Пухлая Рита съехала с горки и побежала к рыжей Свете, которая пекла в песочнице куличики.

– Смотри, – закричала она. – Кляксу хоронить несут!

– Шшшш! – Светка встрепелулась. – Пойдём за ними.

Они догнали компанию с коробкой.

– А вам чего? – бросила Леся малышне. – Кто звал?

– Да пускай, – благосклонно разрешила Ира. – Только чтобы тихо!

Рита и Света закивали и на цыпочках, спотыкаясь, присоединились к процессии. Предосторожности, однако, не помогли. За компанией увязалась пара мальчишек с соседнего двора – Эдька и Макс. Они были частыми гостями.

– Какого у нас забыли? – проворчала Ира. – Идите на свой квартал!

– Парк общий! – отозвались мальчишки. – Где хотим, там и гуляем.

– А ну, пошли! – топнула Ира.

Мальчишки засмеялись, но отстали шагов на десять, продолжая преследовать процессию.

В парке пришлось продираться сквозь заросли полыни. Место выбрали не случайно – далеко от тропинок, труднодоступное. К тому же рукой подать до кустов черёмухи, куда обязательно отправлялись полакомиться после похорон.

Симкина зажала нос, но это, как всегда, не спасло. В носу засвербело, и глаза стали красными.

– А ты знаешь, – сказала Наташа ей, обернувшись, – раньше на похороны приглашали плакальщиц? Они сначала носом шмыгали, потом плакали, потом причитали, стенали...

– Да аллергия у меня! – Симкина опять шмыгнула носом

и подтёрла его рукавом.

– Вечно она с соплями! – заметила беззлобно Леся. – И кошек ей нельзя, и шоколад. А я вот...

– Заткнись уже! – буркнула Ира. – У нас тут похороны. Леся замолчала и насупилась.

На голубином кладбище обнаружили два ухоженных холмика с настоящими деревянными крестиками (перевязанные чёрной тесьмой палочки от мороженого). Могилки были украшены разноцветными осколками стекла, камушками и пробками от Pepsi. На одной лежала выцветшая искусственная роза.

Наташа подбежала к могилкам первой и поправила покосившиеся крестики.

– Давайте вот тут, – с воодушевлением предложила она. «Вот больная!» – подумала про себя Симкина.

Наташа и придумала эту странную игру, которая почему-то стала настолько популярной, что захватила несколько соседних дворов. Теперь мёртвых птиц искали повсюду.

Подошли мальчишки.

– Давайте мы выкопаем? – предложил Макс.

– Да, неженское это дело, – подтвердил Эдик.

Ира манерно закатила глаза, но совок отдала.

Пока мальчишки копали, Наташа выискивала в полыни веточки тысячелистника и собирала новый букет. Набрав целую охапку бледно-розовых зонтиков, она открыла коробку сдохлым голубем и обложила его цветами.

– А речь? – спросила она.

– Давай ты, – предложила Ира, – у тебя хорошо получается.

Наташа стала на колени перед коробкой, сложила молитвенно руки:

– Упокойся с миром, невинно убиенный. Пускай тебе там, на том свете, будет достаточно зёрнышек и лапки никогда не мёрзнут...

Симкина опять чихнула. Из глаз её, превратившихся в узкие щёлочки, градом катились слёзы. Она почти задыхалась.

– ...Мы будем помнить о тебе и заботиться о твоей могилке, приносить свежие цветы...

Горький запах полыни сдавливал Симкиной грудь. Глаза совсем заплыли. Из носа в рот текли два ручейка.

«Мама опять отругает, – подумала она. – В прошлый раз пришлось к врачу идти».

Симкиной категорически запрещали выходить в парк. Она и без того постоянно шмыгала носом, но таблетки пила, только когда уж совсем невмоготу, вот как сейчас. От таблеток Симкина тупела и хотела спать. Уж лучше с соплями.

Эдик посмотрел на Симкину и скривил рожу.

– Макс, смотри на красавицу. Вы с ней в одном классе учитесь? – спросил он у приятеля.

Макс вздохнул и развёл руками.

– Повезло, – хмыкнул Эдик, отдавая тому совок. – Ну, готова яма.

Симкина нахмурилась и отвернулась.

– Всё, – прогнусавила она, – мне пора.

– Э, куда? – Ира недовольно уставилась на неё.

Та уже пробиралась сквозь заросли полыни.

– Симкина! – строго позвала Ира.

Она обернулась.

Ира сощурилась и многозначительно закивала.

– Ладно, ладно...

– И чё? – бросила Симкина в ответ. Её трясло то ли от аллергии, то ли от злости. – Меня, между прочим, Вера зовут. Усвой! – она отвернулась и пошла дальше.

3

Ира обвела всю компанию суровым взглядом, сама внутреннее пугаясь той ненависти, что испытывает в этот момент к Симкиной, да и ко всем остальным тоже.

– Вот борзая, – прошипела она. – А мы ей бойкот.

– Это как? – простодушно спросила Леся.

– А вот так. Чтобы никто с ней больше не разговаривал.

– Ого, круто у них тут, – хохотнул Эдик, обращаясь к Максусу.

– Ир, да ладно, – примирительно возразила Леся. – У неё ж правда аллергия. Она в мае две недели в больнице лежала. Мы с мамой навещали, апельсинов приносили, а оказалось, ей их тоже нельзя. Врач нас отругал. И неловко получилось, что с пустыми руками.

– Апельсины... – Ира злорадно покачала головой. – Ты ей апельсины, а она тебя «шестёркой» назвала.

Леся часто заморгала.

– Это когда было? – включилась в разговор Наташа. – Забавно, а я и не помню. Без меня, что ли?

– А ты у нас, Наташка, оказывается, «малахольная», «ненормальная», и «с закидонами», а бабка твоя – «ведьма старая, которая всех обманывает».

– Это она точно подметила! – засмеялся Макс.

– А ты чё ржёшь? – накинулась на него Ира. – Про тебя

она больше всех написала.

– А про меня-то чё? – сразу ошетинился Макс. – Я вообще не с вашего квартала.

– Ты у нас «лапочка» и «очень милый», сюсю-мусю. Даже повторять противно.

– Да ладно, чё она брешет? – Макс обернулся к Эдику, который с интересом вслушивался в откровения Иры.

– У Максима «бархатные реснички», а ещё «он такой добрый»... – продолжала елейным тоном Ира.

– Макс, а чё растерялся-то? – прошепелявил Эдик. – Все знают, что вы – парочка.

– Какая, блин, парочка?! – Макс покраснел до ушей и с силой сжал совок, так что костяшки пальцев побелели.

– Ты её на велике катал, и в бадминтон вы постоянно в паре.

– А ты с Леськой и чё? – возразил Макс.

– Да она на лавке перед твоим подъездом прописалась, – не унимался Эдик. – Вечно там сидит. Я её даже в дождь из окна видел.

– Да пошли вы все! – вдруг выкрикнул Макс, бросил совок и, разгребая руками заросли полыни, отправился прочь с поля.

– Пока, Ромео! – ехидно бросила ему вслед Ира.

– А про тебя она что говорила? – мягко спросила Наташа.

– Да то же, что и про вас. Короче, бойкот ей!

Иру распирало чувство праведного гнева и торжества.

Давно она в себе копила это раздражение, давно искала случая отомстить Симкиной за обидные слова. Вот только не скажешь всем прямо, что самовольно залезла в чужой дневник и подглядела откровенные излияния. А тут все само собой сложилось. Кто теперь будет выяснять? Наташка, конечно, может прицепиться, она дотошная. Но, если что, и Наташку побоку. Симкина верно написала, бабка у неё – ведьма, и все об этом знают.

Голубя зарыли быстро. Нужный настрой пропал. Леся с осунувшимся лицом стояла поодаль. Наташа молчала и загадочно улыбалась одними уголками рта, как она умеет. Украсить могилку доверили малышне. Те обрадовались и подошли к делу со всей ответственностью.

Потом все отправились назад во двор. Ира попыталась завести обычный разговор, но девчонки не поддержали. Леся явно расстроилась, Наташа вдруг вспомнила, что обещала помочь бабушке. Ира, конечно, растормошила бы обеих, да неожиданно нарисовался её старший брат Вадим. Он сидел на лавке у подъезда, курил, облокотясь о колени, и сплёвывал под ноги, где уже образовалась пенная лужица. Чёрная крашеная челка закрывала верхнюю половину его лица, так что торчал лишь кончик острого, как у Иры, носа.

– Сюда иди! – Крикнул Вадим сестре. Он раздавил бычок о торец лавочки, бросил его в кусты сзади и встал.

Ира подходить не торопилась. Девчонки обе разом засобирались домой, но Ира попросила подождать.

– Ты чего хотел? – спросила она издалека.

– Сюда пошла, сказал! – Вадим дёрнул головой, откидывая с глаз волосы.

Ира подошла поближе.

– Ты где шляешься, дура? Тя сколько ждать? Домой, блин, попасть не могу.

– У тебя же свой ключ есть, – Ира пошарила в карманах, достала ключи от квартиры и, наконец, подошла к брату.

Тот схватил её сзади за шею и пихнул вниз. Она упала на асфальт. Ключи отлетели в сторону. Ира медленно подобрала их и поднялась сама. Она шумно и прерывисто дышала через нос. Губы сжались, превратившись в неровную полоску.

– Опять на поле ходили? – пробасил Вадим. – Какого хрена вы там забыли? Там наркоманы тусят, сколько раз говорить.

– Тебе ли не знать, – сквозь зубы процедила Ира.

– Чё ты сказала, тварь? – Вадим дёрнул губами и сжал кулаки.

Ира бросила ключи на асфальт и сорвалась с места. Брат кинулся за ней, но Ира бегала лучше всех во дворе. Какое-то время он преследовал её, но быстро передумал. Вернулся к дому, подобрал ключи и скрылся в подъезде.

Ира убежала подальше к школе и, поняв, что брат больше не гонится за ней, спряталась в кустах за школьной теплицей. В каникулы здесь некому было ходить, и никто бы её не

услышал. Ире хотелось плакать, но ей так часто приходилось сдерживать слёзы, что она разучилась. Она чувствовала, что слёзы могли бы потушить пылающую в груди ненависть, но глаза оставались сухими. Она презирала его, своего родного брата, даже больше, чем отца. Казалось, после развода и переезда в этот маленький городишко, затерянный где-то в Сибири, куда отцу из Нижнего хлопотно добираться, они заживут мирно и спокойно. Тесная однокомнатная квартира, которую мать могла себе позволить, казалась райским уголком. Но постепенно брат превратился в ещё большего монстра, чем был его отец. Он перенял все его повадки, все методы травли и даже слова. Теперь и мать не могла с ним справиться. Раньше Ира частенько ябедничала ей на брата, но когда однажды тот замахнулся и на мать, отстаивая своё право помыкать младшей сестрой, она резко прекратила жаловаться. Она понимала, стоит ему однажды переступить черту с матерью, и брат будет бить их обоих, как бил отец. «Ещё один только год, один год, – уговаривала себя Ира, – и его заберут в армию».

4

Наташа открыла квартиру и вошла.

– Бабуль, я дома, – громко сказала она.

– Как хорошо, Натусечка, – послышался старческий голос из соседней комнаты. – Проходи, как раз поможешь.

Наташа скинула сандалии и прошла в комнату, где бабушка обычно принимала посетителей. Вот и сейчас в потёртом кресле сидела женщина со скорбным лицом. Её вытянутая нога с толстыми растопыренными пальцами и раздувшейся воспалённой щиколоткой лежала на низкой скамеечке. Бабушка сидела на полу, поджав под себя ноги. В руках она держала литровую банку с водой, в которой то и дело смачивала морщинистые пальцы и брызгала на ногу сидящей напротив женщины.

– Внушенька, будь дóбра, – обратилась она к Наташе, – там у меня в комодё... Ну знаешь где. Тряпочки красные, заговорённые. Вставить тяжело. Принеси, моя хорошая.

Наташа молча подошла к комоду, выдвинула второй ящик и взяла красную выглаженную тряпицу из стопки. Она вернулась к бабушке и села рядом.

– Помолимся, деточка, вместе, – сказала бабка, принимая тряпицу.

Наташа сложила руки, закрыла глаза и монотонно зашептала молитву. Бабка взяла клочок бумаги в клеточку, весь

исписанный кривым почерком, уложила его на больную щиколотку женщины и начала оборачивать красной тряпицей, распевно приговаривая что-то себе под нос. Когда с бинтованием было покончено, старуха взяла банку, кряхтя, встала и принялась обильно обрызгивать женщину водой.

Раздалась механическая трель. Наташа открыла глаза и перестала шептать.

– Поди, милая, открой. Кого, прости господи, принесло в такой момент? Всех прогоняй.

Наташа пошла открывать дверь. Там оказалась соседская бабка с пятого этажа.

– Мариванна, бабуля сейчас занята. Попозже приходите.

Соседке объяснять не пришлось. Та только благоговейно перекрестилась и побрела на лестницу, постукивая костылём.

– Ну кто там? – спросил голос из комнаты.

– Мариванна приходила, – крикнула Наташа, а сама пошла на кухню. Открыла холодильник и принялась изучать банки с вареньями и соленьями, размышляя, чем бы перекусить. Бабка в коридоре провожала пациентку, давая той добрые напутствия на дорожку. Хлопнула входная дверь, и она появилась на кухне с пачкой мелких купюр в руках. Послюнявив пальцы, она два раза пересчитала деньги. Убедившись, что всё верно, бабка закатала деньги в пояс передника.

– Ну что, милая, чаю попьём? Я блинов напекла.

– Блины – это хорошо, – Наташа заметила блюдо на под-

оконнике и закрыла холодильник. Она взяла чайник и подошла к раковине.

– Вот ведь неладная, – проворчала бабка и села у стола.

– Кто, бабуль?

– Да эта Мариванна. Глаз у неё плохой. Всё шастает. Дома ей не сидится, прости господи. Пойду к ней сейчас за семенами.

– Сходи, – отозвалась Наташа. Она включила чайник и села за стол рядом с бабкой.

– Ну вот, Наташенька, – сказала та и заправила выбившиеся из платка седые волосы, – теперь памятник новый справим. Я уже заказала и людей наняла. Была давеча в горисполкоме...

– В мэрии, бабуль, – поправила Наташа.

– Да какая мэрия, прости господи, – отмахнулась старуха. – Исполком он и есть исполком. Слов понавыдумывали теперь. Так вот, Наташенька, помощь тебе будет, как сиротке. Заживём, внученька. Все под богом ходим. Завтра на кладбище пойду, прополоть там надо. А то как же памятники ставить?

– Бабуль, в прошлом месяце пололи, – Наташа взяла с широкого подоконника тарелку с блинами и поставила на середину стола. Потом открыла холодильник, достала банку с вареньем и наполнила фигурную стеклянную вазочку.

– Как же, а дожди? Ты посмотри, сколько дождей нынче. Всё травой заросло. Вон на поле на вашем полыни по пояс.

– Ну да, – Наташа убрала банку в холодильник.

– Ты если не хочешь, не ходи. Я сама управлюсь, посижу там, помолюсь, поговорю с ними, – глаза у бабки вмиг наполнились слезами. Она принялась утираться кончиком платка. – Мне и не тяжело. Да и полоть там немного.

– Да нет, бабуль. Пойдём вместе.

– Ты моя хорошая! – бабка схватила Наташину руку и поцеловала. – Храни тебя господь. Какая же я старая, Наташенька. Господи, господи, дай сил ещё пожить, тебя на ноги поставить.

5

Не успела Леся зайти домой, как её тут же отправили в магазин за продуктами. Вернулась она совсем разбитая. Тихо прокралась на кухню, а там мать стоит у окна и курит в форточку.

– Мам, – позвала Леся.

Та вздрогнула, смутилась и быстро выкинула сигарету на улицу, даже не затушив.

– А если там внизу кто-нибудь? – Леся сгрузила на стол сумку с продуктами.

– Ты мне что тут устроила? – накинулась на неё мать. – Я тебе коробку брать разрешала? Намусорила, лук весь рассыпала.

Леся села за стол, опустила голову на руки и разрыдалась в голос. Мать тут же подскочила к ней.

– Дочь, ты чего? Что случилось? Тебя кто-то обидел?

– Мама! – выдавила Леся, захлёбываясь слезами, и кинулась ей на руки. – Какие все злые, мама! – причитала она. – Почему меня никто не любит, ведь я стараюсь...

– Ну как же, доченька, я тебя люблю, – тараторила мать, поглаживая её по плечам, целуя в щёки, в лоб. – Папа тебя больше жизни любит, он никого так не любит, как тебя.

– Мама, я так соскучилась.

– Я тоже, я тоже, родная, – мать вытерла щёки Леси. – Ты

же знаешь, летом самые экспедиции. Хочешь, позвоним ему сейчас? Он рад будет.

– Давай, – Леся подошла к кухонной мойке и умылась.

– Мама, – позвала она, – не кури больше, пожалуйста. И папа не любит...

– Не буду, – пообещала мать.

Симкина сидела на той самой лавке в соседнем дворе и утаптывала каблуком сандалии пыль под ногами. Случайно завалившаяся в кармане таблетка антигистаминного и ингалятор постепенно помогали. Глаза отпускало, слёзы течь перестали и отёчность, судя по ощущениям, спадала, хотя в носу всё ещё хлюпало. Ей бы домой, принять холодный душ и немного поспать, но там мать, которая обязательно догадается, что Вера опять шлялась по полю. А это грозит домашним арестом на неделю, а то и больше, и очередным походом в поликлинику к Палсимиычу. Аллерголог, дай волю, посадил бы её в стерильный пластиковый мешок и держал в изоляции, никогда не выпуская.

«Хотя какая теперь разница?» – размышляла Симкина.

На улице ей делать нечего. Не с малышнёй же в песочнице кулички стряпать. С Ирой и компанией покончено навсегда. Они и сами не захотят общаться. Ведь она, Симкина, – предатель. Уж Ира расстарается, расскажет во всех подробностях и про дневник, и про запись... Жальче всего ссорится с Лесей, ведь та, на самом деле, славная и очень добрая. Однажды даже подарила Вере свой старый сотовый, когда отец ей новый из командировки привёз. А могла бы Ире отдать или хоть Наташке, или вообще никому.

Симкина достала из кармана телефон, покрутила в руках.

Наверное, придётся вернуть. А она уже музыки накачала...

«Может, ещё обойдётся?» – подумала Вера, сунула сотовый назад и аккуратно поскребла зудящее веко.

– Ты тут чё забыла?

Вера вздрогнула и подняла голову.

– Да я так, – ответила она Макс, который неожиданно появился у подъезда своего дома. – Вот решила посидеть...

Макс пинал бордюр запыленным кедом, кривил пухлые губы и смотрел в сторону.

– Ну чё, похоронили? – слишком бодро спросила Вера и тут же сникла, понимая, как нелепо прозвучал вопрос.

– Ага, – буркнул Макс.

Он не уходил, но и на разговоры был явно не настроен сегодня.

– Ну ладно... – Вера соскользнула с лавочки и медленно побрела домой.

– Тебе, кстати, бойкот, – крикнул ей вдогонку Макс.

Симкина вернулась. Она серьёзно посмотрела на Макса. Тот опять принялся сосредоточенно изучать что-то вдаль.

– Ты теперь тоже со мной не разговариваешь? – спросила Вера.

– А я-то тут при чём? – выпалил тот. – Я вообще не с вашего двора. Меня ваши тёрки не касаются.

– Удобно, – она сощурила свои и без того заплывшие глаза. – И в школе ты меня стороной обходишь.

– И чё?

– А знаешь, ты не притворяйся особенным. Будь как все, – Вера развернулась и зашагала прочь. – Бойкот, значит, бойкот! – крикнула она, не оборачиваясь.

Макс сделал неуверенный шаг в сторону Симкиной, но передумал и быстро скрылся в своём подъезде.

Светка с интересом наблюдала за сценой между старшими, сидя в песочнице неподалёку. Как только Симкина и Макс разошлись в разные стороны, она кинулась к Рите на качелях.

– Рит! А давай тоже кому-нибудь бойкот объявим, – вдруг предложила Светка подруге.

– А кому? – спросила та и принялась оглядываться.

– Ну вон хоть Дениске с первого подъезда.

Дениска долбил мяч о стену возле подъезда, где скрылся Макс. Девчонки подошли к нему. Светка толкнула Риту. Та немного потопталась на месте, а потом неуверенно объявила.

– Дениска, мы тебе... бойкот!

– Чё? – Денис поймал мяч и недоумённо уставился на девчонок. – А это чё?

– Мы с тобой не разговариваем, – выпалила Светка.

– А... ну ладно, – флегматично ответил Денис. – А я думал, мы в классики попрыгаем.

– Свет, а давай в классики лучше? – воодушевилась Рита. Светка строго посмотрела на обоих.

– Хорошо, – согласилась она. – А потом бойкот.

– Ладно! – засмеялись все. – У кого есть мел?

«Что бы такого придумать?» – ломала голову Светка, сидя на качелях и облизывая чупа-чупс. Накануне старшие ребята со двора устроили голубиные похороны и в кои-то веки разрешили им с Ритой поучаствовать. От вида мёртвого голубя подташнивало, но само действие Светку захватило. И жутко, и интересно, то есть жутко интересно! Ушли на польнное поле за соседний дом. Продирались сквозь заросли, как цепочка муравьёв с добычей. Мама категорически запрещала туда ходить, и Светка догадывалась, что неспроста. Должно быть, пряталось там что-то таинственное, загадочное и немножко опасное. И точно – голубиное кладбище! Старшие ребята вырыли ямку, Наташа пела странные песни про рай, а потом Симкина, даром что большая, струсила и решила уйти. А Ирка объявила ей бойкот, и все переругались. Вот это настоящее приключение! Не то, что ковыряться весь день в песочнице у мамы на виду. После такого Светка загорелась придумать ещё чего-нибудь, не хуже голубиных похорон. Вот только не придумывалось. Хватило ума лишь подбить Риту объявить Дениске из соседнего подъезда бойкот, а тот сделал вид, что не понял, и предложил поиграть в классики. Классики – дело, конечно, хорошее, но про бойкот-то потом забыли. Светка вспомнила уже дома, засыпая: «А Дениска не дурак, хоть и мальчишка. У него что не

спроси – всё знает!»

Во дворе показалась Рита с какой-то голубой коробкой в руках.

– Смотри, что мне подарили! – закричала она издалека, и вприпрыжку подбежала к Светке, тряся у неё перед лицом пластмассовым чемоданчиком с красным крестом на крышке. – Бабушка из Москвы привезла.

– Ого! – тут же воодушевилась Света. – Давай-ка сюда, – она потянула липкие от леденца руки к чемоданчику.

– Нет, – Рита спрятала бабушкин подарок за спину. – Это моё!

– Да я только посмотреть, – надулась Светка.

– Лучше давай я тебя вылечу!

– А я не болею. – Светка отвернулась и начала раскачиваться на качелях, обсасывая палочку от чупа-чупса. Рыжие хвостики над её ушами заколыхались в такт.

– Ну ты чего? – захныкала Рита.

И тут Светку осенило:

– А давай голубей лечить?

– Давай! – Тут же согласилась подруга. – А как? Разве их поймаешь?

– А мы их прикормим булкой. У тебя булка есть?

– Нет.

– И у меня нет. Может, им червяков накопать?

– Голуби червяков не едят, – отрезал хрипловатый голос из-за спины. Светка оглянулась. На вершине горки, подогнув

под себя ноги, сидел Дениска. Откуда только взялся?

Светка презрительно сощурилась.

– Дениска, хочешь, я тебя полечу? – Рита с надеждой открыла чемоданчик и достала пластмассовый стетоскоп.

– Не, – просипел тот и съехал с горки, не вставая с корточек, – я лечиться не люблю.

– А может, кошку найдём? – Светка опять заскучала.

«С такой компанией каши не сварить», – подумала она уныло.

– У кошек блохи, – невозмутимо заявил Денис, подходя к девчонкам. – А ещё они царапаются. Я кошек не люблю. Другое дело – собаки. Вот у бабушки в деревне...

Светку окликнули. Она обернулась и увидела отца. Он стоял у подъезда их дома и призывно махал ей. Пришлось оставить ребят и идти к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.